

На правах рукописи

КАМЕЛЬЯНОВА ФЛИДА ФАНАВИЕВНА

**Романы Ф.М. Достоевского «Идиот» и
Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: типологическое
сходство художественных систем**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бирск – 2011

Работа выполнена на кафедре филологии и методики преподавания русского языка и литературы филологического факультета ГОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Хасанов Ришат Фаукатович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Щедрина Нелли Михайловна

кандидат филологических наук,
Шаулов Сергей Сергеевич

Ведущая организация: **Магнитогорский государственный университет**

Защита состоится 4 марта 2011 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.326.01 при ГОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия» по адресу: 452453, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, корпус филологического факультета, ауд. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия».

Текст автореферата опубликован на официальном сайте ГОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия» www.birsk.ru

Автореферат разослан « » января 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Бурцева Е.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественное мышление Ф. Достоевского оказало воздействие на духовную жизнь XX века и во многом определило вектор литературного развития. Эстетическая мощь, заключенная в слове писателя, служила решению проблемы человека в человеке и в мире, что обусловило доминанту нравственной составляющей творчества художника. Поэтому, когда речь идет о включенности того или иного писателя в силовое поле творчества Ф. Достоевского, на первый план выходит философско-религиозный аспект их художественного мышления. Это отмечают исследователи Г. Фридендер, Л. Лотман, В. Кирпотин, Н. Буданов, Л. Гроссман, А. Долинин, Р. Поддубная, Г. Померанц, Р. Назиров, К. Степанян, В. Борисова, Е. Новикова, Г. Щенников и др.

В последние годы в литературоведении намечается движение по пути сравнительного изучения художественных миров Ф. Достоевского и Б. Пастернака (см. исследования И. Альми, О. Кузнецова), однако ниша монографических работ, связанных с объяснением природы возникновения сходства и различий в их художественных системах, остается незаполненной. В диссертации предлагается опыт сравнительного исследования творческого наследия Ф. Достоевского и Б. Пастернака на материале романов «Идиот» и «Доктор Живаго» с целью выявления типологического единства произведений и установления особенностей творческой концепции каждого из авторов. В романах явна тесная связь с библейским текстом и идеями православного христианства. В этом, полагаем, заключена главная особенность творческого мышления писателей, объясняющая глубокий философский подтекст их произведений, что и явилось определяющим посылом к поиску типологической общности названных романов.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тем, что на этапе подведения итогов литературного века в кругах исследователей все чаще в качестве одного из наиболее перспективных направлений литературного анализа называется изучение не уникального, а типологически повторяющегося образа, который отражал бы сущностный характер развития национальной литературы и был прочно закреплен в менталитете народа. В связи с этим обстоятельством предполагаем, что аналитическое поле, предложенное в работе, явится шагом вперед в определении «сквозного образа», которым может стать фигура Христа.

Вопросы о смысле жизни и сущности человеческого бытия, всегда имевшие первостепенное значение для мыслителей, с особой остротой встают на рубеже столетий, когда необходимо по-новому оценить роль

нравственно-этических ценностей в жизни общества. Поэтому Библия, на почве которой веками формировалась культура многих народов, и сегодня остается актуальным ориентиром в художественном творчестве. В литературоведении также не ослабевает интерес к проблемам, включенным в евангельский текст.

Научная **новизна** настоящего исследования определяется тем, что в нем:

- проводится сравнительное изучение романов Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго» с целью выявления типологического единства произведений, основанного на творческом восприятии авторами библейского текста;

- выявляется архетипический образ Христа-Учителя как типологически общая основа формирования образов главных героев;

- впервые осуществляется сравнительный анализ романов в свете экзистенциальной философии, что позволяет углубить представление о нравственно-философской позиции писателей;

- осуществляется систематизация накопленного литературоведческого опыта в области сравнительного изучения заявленных романов.

Объектом диссертационного исследования являются романы Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Предмет – типологическое сходство названных романов.

Цель диссертации – выявить типологическое единство романов Ф. Достоевского и Б. Пастернака, ставшее результатом художественного осмысления их авторами Евангелия, и на этой основе раскрыть особенности творческой концепции каждого из писателей.

Для достижения цели диссертационного исследования были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть образы главных героев романов Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго» с позиции их соотношения с архетипическим образом Христа;

- раскрыть христианскую природу любви главных героев Льва Мышкина и Юрия Живаго как определяющую черту их взаимоотношения с окружающими;

- исследовать и обосновать типологически общую для романов «Идиот» и «Доктор Живаго» тему детства как один из доминирующих аспектов в решении проблем нравственности;

- проследить специфику воплощения мотивов болезни и исцеления в романах «Идиот» и «Доктор Живаго» как ведущих в процессе интерпретации христианского понимания соотношения истины и лжи, жизни и смерти;

– рассмотреть особенности преломления мотивов экзистенциальной философии в романах Ф. Достоевского и Б. Пастернака.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сходство романов «Идиот» и «Доктор Живаго» квалифицируется как типологическое, возникающее в результате освоения авторами общекультурных традиций и творческого восприятия ими «пратекста» – Библии, несущей в себе универсальные архетипические формулы человеческих взаимоотношений.

2. Герои Ф. Достоевского и Б. Пастернака типологически сближены с архетипическим образом Христа-Учителя. Мысль о бессмертии души, лейтмотивом звучащая в романах основана, в понимании Мышкина, на идее сострадательного отношения к окружающим, в то время как основой мировоззрения Живаго является идея бессмертия души, достигаемого через творчество.

3. Фабульная организация романов «Идиот» и «Доктор Живаго» дает основание говорить о наличии в них элементов житийной литературы как об одном из способов выражения писателями христианского миропонимания.

4. Одной из значимых точек соприкосновения текстов Ф. Достоевского и Б. Пастернака является мотив детства, предьявляемый писателями в русле православной культуры. Способные к метафизическому восприятию мира дети становятся показателем нравственного состояния общества.

5. Преломление идей философии экзистенциализма типологически сближает романы Ф. Достоевского и Б. Пастернака. Присутствие в произведениях элементов этой философии объясняется кризисным мироощущением писателей и отражается в неустроенности героев, в их сомнениях в оценке исторических событий, приводящих к ломке устоев и традиций.

Методологические подходы и методы исследования:

Выбор методологических ориентиров исследования осуществляется с учетом концепций, предложенных В. Жирмунским, А. Веселовским, Л. Гроссман, Ю. Лотманом, Д. Дюришиным; на основе работ по истории и теории романа М. Бахтина, Е. Мелетинского.

Выбор методов исследования обусловлен спецификой материала. Кроме общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения и систематизации, в работе использованы специальные методы – сравнительно-типологический анализ, методики целостного и интертекстуального анализа.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов исследования в рамках вузовского и

школьного преподавания литературы XIX-XX вв., в разработке общих и специальных курсов по теории и истории литературы, при изучении отечественного романа минувших столетий в сравнительно-типологическом контексте.

Апробация. Основные результаты научного исследования изложены в 13 публикациях и были представлены в докладах на заседаниях кафедры филологии и методики преподавания русского языка и литературы Бирской государственной социально-педагогической академии; на семинарах научной школы «Изучение литературно-художественных произведений в вузе и школе: филологический анализ»; на научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровней в Бирске, Бийске, Майкопе, Москве, Нефтекамске, Невинномысске, Нижнем Тагиле, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Ульяновске.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающей 221 наименование. Объем диссертации – 190 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность темы, ее новизна и практическая значимость, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту, характеризуется современное научное состояние рассматриваемой проблемы, теоретическая и методологическая база диссертационного проекта.

В первой главе «Тема христианства как основа типологического сближения романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» выявляется основа типологического сходства романов – христианско-евангельская тема.

Параграф 1.1. «Сравнительное изучение художественных текстов как способ их интерпретации». Сравнительное литературоведение сегодня представляется одним из наиболее продуктивных направлений в науке о литературе. Исследование особенностей творчества конкретного писателя или национальной литературы не может считаться полным, если анализ проводится автономно, без учета литературных связей и влияний. В. Жирмунский называет сравнительный метод основным при изучении литературных произведений: при его использовании не наблюдается нивелирования качеств предмета в ряду сопоставляемых, напротив, – происходит выделение особенного. Исследование не завершается этапом фиксации и констатации, а пере-

ходит к стадии объяснения происхождения выявленных признаков. Наряду с выявленным сходством, не менее важную роль играет и установление факта отсутствия такового, что работает на определение закономерностей генезиса данного явления. Проблема систематизации аналогий литературных явлений на сегодня решена в пользу классификации, исходящей из степени контакта между ними. Сходства, вызванные прямыми или опосредованными связями, называют генетическими, а схождения, не зависящие от прямых контактов явлений, именуются типологическими.

Установление связей между произведениями при их изучении позволяет классифицировать художественное наследие по сходству идейного наполнения, поэтики произведений. Особенно ценны такие наблюдения на рубеже веков в момент, когда происходит оценка накопленного культурного наследия с позиции актуальности затронутых проблем в новом тысячелетии. Рассмотрение творчества знаковых писателей становится призмой, преломляясь сквозь которую очерчиваются контуры идей-доминант литературы в целом. Одним из имен, определивших особый вектор движения литературы, явился Ф. Достоевский, ставший основателем «новой мистической науки о человеке» (Н. Бердяев). Творческое мышление последующих поколений авторов, продолжающих размышления о сущности и цели человеческого бытия, о месте человека в мире, потенциально обнаруживает типологические связи с творчеством великого предшественника, выраженные на уровне идей, мотивов, образов, символов.

Параграф 1.2. «Отражение образа Христа в поэтике романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Литература России рубежа XIX – XX веков формировалась в условиях социально-исторических потрясений, когда происходила смена не только социальных, но и духовных ориентиров. На фоне напряженных философских исканий обращение к христианству являлось опорой для думающего человека. Христианское воздействие, явное или косвенное, прослеживается в творчестве практически любого художника. Евангельская тема становится традиционной не только для русской, но и мировой литературы, а фигура Иисуса имеет непреходящее значение для писателей: обращаясь к ней, они ведут дискуссию о проблемах нравственности. Данная тема получает яркое воплощение в романах Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго», типологически сближая их. Евангельский текст входит в роман с образами главных героев – Льва Мышкина и Юрия Живаго.

Общность произведений обнаруживается не в сходстве деталей, но в том, что в центре внимания авторов оказывается духовное начало.

Ф. Достоевский, желая максимально приблизить образ князя Мышкина к идеалу Иисуса, отобразил его особую нравственную чистоту, раскрывающуюся во взаимоотношениях с окружающими. Ассоциация с образом Христа возникают и при обращении к образу Юрия Живаго, доказывающего своей жизнью, что человек пришел в этот мир реализовать все лучшее, данное ему свыше. В Юрии Живаго два начала – духовное и земное – оказываются слиты воедино. Преображение мира происходит не извне, а изнутри, через человеческое мироощущение. Духовное, по Б. Пастернаку, – это не небесное, а одухотворение земного, потому и идеал Христа находит воплощение в земном человеке, с его проблемами и заботами.

Близость Мышкина и Живаго образу Иисуса и собирательному образу христианского подвижника, а также специфика фабульной организации романов, представляющих собой писательскую интерпретацию сюжета евангельских «Страстей», дают возможность соотносить романы с жанром жития не буквально, но условно. Подобно житиям-матриям, в которых повествование охватывает часть жизни Святого – мученичество и смерть, романы Ф. Достоевского и Б. Пастернака открываются повествованием о непростом моменте в жизни героев – начале мученического пути: у Ф. Достоевского это приезд Мышкина в Россию: «С людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело» (VI, 79), у Б. Пастернака – похороны матери маленького Юры и его сиротство. И далее, Лев Мышкин и Юрий Живаго, проходя нелегкий жизненный путь, совершают подвиг, заключающийся в том, что герои сохраняют верность христианским ценностям: веру в силу человеческой души, обретаемую в Боге и через Бога.

Характерно, что для житийных сюжетов типичен мотив скитания главного героя, метафорически выражающийся в его неприятии окружающих, отчуждении. Присутствуя и в данных романах, он восходит к сквозному мотиву пути святого человека в миру вплоть до его «ухода» и становится, в определенном смысле, сюжетообразующим. Здесь заключена метафора предопределенности судеб героев, подобно Христу, посланных в мир искупить людские грехи. Это позволяет осмыслить судьбу героев как путь-испытание.

Как и в Библии, в романах центральным становится мотив духовного учительства. Библейская идея Христа-Учителя в окружении учеников реализуется в произведении Ф. Достоевского через систему второстепенных героев, нашедших своего Учителя в князе Мышкине. Благодаря примеру князя и его наставительному слову, происходит духовное преобразование героев, порой и не подозревающих об этом. К мотиву Учительства отсылает и название «Доктор Живаго». Слово

«доктор» в латинском языке восходит к *docere* – «учить». Выстраивается параллель с образом Христа-Учителя: словосочетание *доктор Живаго* семантически тождественно именованию *учитель жизни*.

Параграф 1.3. «Христианское понимание любви в романах Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака».

Являясь главной христианской добродетелью, чувство любви и специфика его реализации в романах Ф. Достоевского и Б. Пастернака становится фактором, типологически сближающим произведения. В романе «Идиот» христианское понимание этого чувства с особой силой раскрывается через образ князя Мышкина. Руководствуясь велением сердца, которому чужды условности, князь стремится видеть в каждом человеке только лучшее. С особой яркостью эта позиция проявляется в диалоге князя с Ганей, в котором он сумел разглядеть не расчетливого, эгоистичного и алчного человека, а всего лишь несчастного, запутавшегося, нуждающегося в доброте и понимании. Великая мудрость князя открывается и в словах, которыми он завершает рассказ о солдате, обманувшем его при продаже креста. По мысли князя, осуждение не приводит к положительным результатам, оно не способно сделать человека лучше. Истинную ценность во взаимоотношениях имеет понимание и стремление увидеть истоки проступка. Мышкин глубоко убежден в том, что люди совершают ошибки не по душевной злости, а от слабости и духовной незрелости, а потому только через прощение и человеколюбие можно пробудить в них доброту. Здесь явна ассоциация с Христом, посланным в мир как проявление любви Бога-отца. С позиции обывателя, манера общения Мышкина и в целом логика его поведения кажутся странными, комичными, эксцентричными. Выходит за пределы общепринятых рамок его всепрощающая братская любовь к Рогожину, сопернику в любви, человеку, покушавшемуся на него и убившему любимую князем Настасью Филипповну. Если в глазах окружающих Рогожин – убийца, совершивший смертный грех, то для князя Мышкина он всего лишь больной, нуждающийся в заботе. С высоты своей духовности князь понимает, что неминуемые осуждение и наказание не принесут должного результата. Зло, толкающее человека на преступление, коренится в душе человека, но изгнать его можно лишь любовью.

Другой аспект этой темы – любовный треугольник «Мышкин – Настасья Филипповна – Рогожин». Здесь с особой силой высвечивается сущность христианского понимания любви, заключенная не в желании и стремлении безраздельно владеть предметом чувств, как это происходит с Парфеном Рогожиным, а в желании сделать его счастливым. Из-за страсти любовь Рогожина претерпевает метаморфозы, пре-

вращаясь в нечто губительное и страшное. Это подмечает князь: «Твою любовь от злости не отличишь» (VI, 214). В отличие от Рогожина, Мышкин свободен от пагубных страстей и в то же время не холоден, он горячо жаждет добра, справедливости, остро воспринимая прекрасное в мире. Все словно тянется к нему, раскрываются перед ним. В этом заключена уникальность образа князя. В романе страсть становится проявлением бесовского начала, она эгоистична и разрушительна. Но Мышкин выше всего этого. Он дарит себя окружающим, страдает за других, подобно Христу. Князь живет согласно заповеди Иисуса, произнесенной Спасителем во время Тайной вечери: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Мышкин осознает, что главенствующую роль во взаимоотношениях должно играть созидательное начало, а если чувство влечет разрушение духовной цельности человека, то и любовью его называть нельзя. Любовь князя к Настасье Филипповне названа Н. Бердяевым «больной». Мы же склонны утверждать, что для героини она была важнее всего. Именно в глазах князя она впервые увидела взгляд не оценивающий, а наполненный пониманием и сопереживанием. Хотя Настасья Филипповна считает себя «рогожинской» и недостойной чистой души князя, Мышкин видит в ней не падшую женщину, грешницу, а дитя, нуждающееся в защите. Он не может уберечь её от ножа Рогожина, но делает самое главное, что можно сделать для отчаявшегося человека: возвращает веру в себя, отогревает душу.

Как и у Ф. Достоевского, в романе Б. Пастернака любовь заявлена в двух ипостасях: в широком понимании – как чувство любви к Богу и к Родине, и – как интимное чувство мужчины к женщине. Размышляя о любви в романе как проявлении одной из добродетелей христианства, важно отметить, что Живаго – военный врач, доказывающий своей деятельностью готовность служить человечеству. Он проявляет гуманизм, христианскую, братскую любовь к ближнему на поле боя как по отношению к убитому телефонисту-красногвардейцу, так и к раненому белогвардейцу – гимназисту Сереже Ранцевичу. Для него нет идеологических границ, есть идеал человеколюбия, которому герой остается верен в самые непростые моменты жизни. Среди хаоса войны Живаго проходит путь врача-воина, праведным трудом утверждая торжество жизни над смертью.

Подобно тому как князю Мышкину чужды страсть и вожделие, так и для Живаго они не характерны. Чувство любви героя находится на более высоком уровне, чем стремление к обладанию: Живаго признается, что не смог бы делиться с соперником предметом своего обожания, но и превращать отношения в «поле боя» не желает, а просто

отойдет в сторону. Для него человеческие взаимоотношения соизмеримы с искусством, а любовь сопоставима с силой творчества, которая не должна нести разрушение, а призвана созидать. Чувство любви дарит герою радость приобщения к великому, состояние творческого парения.

Центром реализации мотива интимной любви в романе становится Лариса, образ типологически близкий образу Настасьи Филипповны. Подобно тому, как в образе героини Ф. Достоевского пересекаются мотивы любви и страдания, так и в образе Лары они становятся ключевыми. Типологически общий для героинь мотив «падения» восходит к библейскому мотиву греха и позволяет соотнести их с образом евангельской Марии Магдалины. В романе «Доктор Живаго» отсылки к Библии очевидны, так как имя Магдалины и рассуждения о ней неоднократно встречаются как в прозаической части романа, так и в тетради стихотворений Живаго. Подобно тому, как эмоциональное звучание отношения Мышкина к Настасье Филипповне напоминает библейский сюжет о Христе и Магдалине, так и характер отношения Живаго к Ларе содержит евангельский подтекст. Когда Лара говорит о своей «надломленности» (III, 393), то Юрий Живаго отвечает: «Я думаю, я не любил бы тебя так сильно, если бы тебе не на что было жаловаться и не о чем сожалеть. Я не люблю правых, не падавших, не оступавшихся. Их добродетель мертва и малоценна. Красота жизни не открывалась им» (III, 393). Здесь явная аллюзия с библейской фразой: «Я пришел призвать не праведников» (Мф. 9:13). Живаго, вслед за Мышкиным определяет уровень нравственности личности не тем, что случается с человеком, а характером отношения человека к происходящему, ведь умение вновь обрести себя в трудные моменты жизни, умение раскаяться и простить окружающих говорит о духовной цельности, силе и красоте.

Во второй главе «Художественное воплощение нравственно-философских идей в романах «Идиот» и «Доктор Живаго» рассматриваются способы реализации идей нравственности, понимаемых писателями как верность идеям любви, всепрощения, жертвенности, через мотивы детства и естественности, болезни и исцеления, отчасти – через мотивы экзистенциальной философии.

В параграфе 2.1. «Идея естественности в романах Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака» выявляются мотивы естественности и детства как способ воплощения гуманистического пафоса произведений. Идея «естественного человека» является составной частью темы «природа и культура», которая рассматривает соотношение в человеке естественно-природных и социальных качеств. Отражаясь в романах,

тема переосмысливается писателями в силу того, что образы усложняются, выходят за «рамки» идеи «естественного человека».

Ассоциативные параллели этой теме в романе Ф. Достоевского видятся в приезде героя в Россию из Швейцарии (которая является родиной рожденной гением французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо идеи «естественного человека»), а также в повествовании князя о его жизни в швейцарской деревне на лоне природы.

Намек на идею «естественного человека» в романе Б. Пастернака осуществляется через характер отношения Живаго к революции: оказываясь втянутым в революционные события, он остается ее противником. В романе понятие «революция» является контекстуальным антонимом понятия «жизнь». Живаго – военный врач, ежечасно утверждающий на деле мысль о том, что нет более высокой ценности, чем жизнь, а революция – это зло, противоречащее жизни, это насилие над жизнью, губительная сила, разрушающая тело и душу человека.

Своеобразным продолжением идеи «естественного человека» и способом реализации гуманистического пафоса в романах становится мотив детства. Понимание детства в русле христианства, подразумевающего отношение к ребенку как мерилу духовной чистоты и красоты, сближает Ф. Достоевского и Б. Пастернака. Писатели считают детей воплощением смирения, чистоты, эталоном нравственного и духовного в жизни.

В романе Ф. Достоевского мотив детства связан с образом князя Мышкина. Его непосредственный открытый взгляд на мир сближает с образом дитя. На протяжении всего романа он пытается отыскать черты детскости и в окружающих, считая это верным признаком нравственности человека. К примеру, князь принимает Аглаю за ребенка по причине ее наивности, мечтательности: «Он понять не мог, как в такой заносчивой, суровой красавице мог оказаться такой ребенок, может быть, действительно даже и *теперь* не понимающий *всех слов* ребенок» (VI, 432). Поэтому именно она, «наивная», сумела разглядеть «главный ум» в князе. Герой стремится отыскать в любом, даже падшем человеке черты дитя, ведь это верный признак способности к возрождению.

В «Докторе Живаго» тема детства и детскости вырастает до уровня лейтмотива, находя актуализацию на всех уровнях романа – от сюжетно-фабульного до идейного. О том, что эта тема для писателя являлась одной из главных, свидетельствует рабочее название произведения – «Девочки и мальчики». Мотив детства проявляется с первых страниц в образе десятилетнего Юры на свежей могиле матери. Начиная роман с похорон, писатель вводит в этот эпизод ребенка, словно

символизируя непрерывность жизненного процесса. В образе дитя, несмотря на трагичность ситуации, на наш взгляд, метафорически выражается торжество жизни над смертью. Далее страница за страницей наблюдаем, как, наряду с детством Патули, Лары, Ники, Миши, Тони, проходит детство Юры. По Б. Пастернаку, эта пора – своего рода прелюдия к дальнейшей жизни человека. В романе показано, как маленькие дети моделируют жизнь посредством игры. Но метафоричность ситуации заключается в том, что, вырастая, они оказываются втянутыми в большую и серьезную игру под названием жизнь. Важно отметить, что детская тема в романе находит свое преломление и через классический библейский сюжет Бога-отца и христианина-младенца. Как христианин, как дитя Божие, Живаго покорно принимает свою долю. И если лирического героя стихотворения «Гамлет» ассоциировать с Юрием Живаго, то параллель эта очевидна: герой обращается с сыновней покорностью к Богу-отцу. Образ *ребенка, дитя* на страницах романа становится емкой метафорой, расширяется до понятия *дитя эпохи*: люди, подобно детям, оказываются беспомощными на фоне катастрофических перемен.

Характер реализации детской темы в романах обнажает ее неразрывность с мотивами страдания и «младенческой жертвы в любом его проявлении» (В. Иванов). Отсутствие у героев Ф. Достоевского и Б. Пастернака родителей является фактором репрезентации их через архетип «сироты» (Е. Мелетинский). Мотив сиротства связан и с образами героинь Настасьи Филипповны и Лары. В этом случае прослеживается классическая триада: «тиран – сиротка – освободитель»: Тоцкий – Настасья Филипповна – Мышкин; Комаровский – Лара – Паша (Живаго).

Мотив опороченности в романах проходит параллельно с мотивом детства. На наш взгляд, эта закономерность объясняется гуманистической позицией авторов, для которых попытка ответить на вопрос: «Какова данная эпоха?» невозможна без ответа на вопрос: «Каково на данном этапе исторического развития общества детям, тем, кто только начинает жить? Что они чувствуют, каково отношение к ним со стороны взрослых?» Образ страдающего ребенка становится приметой того, что общество, основанное на антигуманных принципах, дошло до критической точки своего падения и должно быть изменено.

Параграф 2.2. «Мотивы болезни и исцеления как точка типологического сближения романов Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака».

Анализ романов с позиции мотивов болезни и исцеления необходимо начать с изучения поэтики и функционирования в системе про-

изведений их заглавий. Слово «идиот», выбранное Ф. Достоевским в качестве заголовка романа, входит в одно семантическое поле со словами «глупец», «дурак», «больной», «убогий», «юродивый», «блаженный». Возникает правомочный вопрос, почему автор из ряда синонимичных понятий выбирает именно «идиот»? На Руси фигура юродивого (блаженного) была окружена ореолом святости. В народном сознании устойчиво сформировался стереотип юродивого как любимца Бога. В то время как слово «юродивый» обладает положительным коннотатом, «идиот», напротив, – отрицательным, обозначая врожденную или приобретенную умственную отсталость. Князь в романе болен «падучей», или эпилепсией, не подразумевающей умственных дефектов. Обнаруживается несоответствие, из которого следует, что автор называет князя «идиотом» не по причине его болезни, а по характеру отношения к нему окружающих, которые воспринимают добросердечие и наивность Мышкина как проявление идиотии. Смысл заглавия усложняется. Ф. Достоевский использует прием несоответствия названия содержанию называемого. Рождающееся в связи с этим противоречие становится силой, призванной разрушить стереотип.

Иначе обстоит дело с заглавием романа Б. Пастернака. Значение слова «доктор» ассоциирует семантические элементы таких языковых единиц, как *надежда на исцеление, здоровье, целительство*. Положительную коннотацию имеет и фамилия героя – Живаго, восходящая к корню «*жив*» – *жизнь* (получается *доктор Жизнь*), выражающая лейтмотивную идею не только романа, но и творчества Б. Пастернака – идею бессмертия жизни через слово. Употребление в качестве фамилии героя формы именно этого слова (*живой*) наводит на мысль, что Б. Пастернак изначально вкладывал в образ героя идею воскрешения.

Таким образом, если Ф. Достоевский, именуя свой роман «Идиот», представляет героя, как видится на первый взгляд, в неприглядном свете, то Б. Пастернак, напротив, уже через заглавие дает установку на положительное начало в герое.

В произведении Ф. Достоевского речь идет, скорее, о метафорическом проявлении мотивов болезни и исцеления. Предпринимая попытки «разгадать» Мышкина многие герои романа приходят к выводу, что князь – ненормальный. Но это означает лишь то, что не все способны это понять. Чем лучше человек, тем более чутко отзывается он на душевную красоту главного героя. От страницы к странице в романе меняется отношение к князю окружающих людей. К примеру, Ганя, прежде назвавший Мышкина «идиотом», позже меняет свое мнение. В действительности больным, зараженным пороками оказывается не Мышкин, а общество, куда попадает герой. После встречи и общения с

князем окружающие меняются. Не случайно Настасья Филипповна, словно исцелившись, восклицает: «В первый раз человека видела <...>» (VI, 179). В этой связи и болезнь Мышкина, эпилепсия, приобретает парадоксальное, метафорическое значение. Признанный больным официальной медициной и окружающими, князь Мышкин оказывается здоров духовно, потому что в нем есть «главный» ум, в отличие от людей, здоровых внешне, но больных «изнутри» гордыней и эгоизмом.

Проявления болезни князя – припадки и обмороки – можно интерпретировать как проявление бессознательного. Обморок спас Мышкина от ножа Рогожина, обморок Иволгина в доме Барашковой спасает его от морального падения. Закономерно, что чаще всего потеря сознания избавляет не от внешнего, а от внутреннего «проступка», от ложного пути, на который толкает разум. Символичен и последний приступ болезни, случившийся с Мышкиным, уже без надежды на возвращение к деятельной жизни и ясному сознанию: возможно, бессознательное в человеке пытается оградить его от действительности, где таким, как Мышкин, нет места, где они непоняты и неприняты.

Специфика воплощения мотива исцеления отсылает к евангельскому тексту, к образу Иисуса Христа. В христианстве болезнь трактуется, с одной стороны, как результат греховности духа, а с другой, – как испытание крепости человеческой веры во Всевышнего. Исцеление души, благодаря Христу, приводит к Богу. Подобно Христу, и князь Мышкин приходит к людям, потерявшим духовное здоровье (Рогожин, Настасья Филипповна, Епанчины и другие). Если – по Евангелию – каждая душа нуждается в исцелении, то на Мышкина возложена миссия врачавателя и пастыря заблудших душ.

Мотив болезни имеет парадоксальное преломление и в романе «Доктор Живаго». Здесь звучит мысль о том, что не всегда болезненное, беспамятное состояние является злом для человека. Так же как для князя Мышкина моменты приступов эпилепсии мнятся как самые сладостные, для героя Живаго момент болезни становится откровением. На протяжении романа Юрий Андреевич проявляет преданное служение искусству: глубоко и сосредоточенно работает, терпеливо ждет чуда вдохновения. Он чувствует, что может написать великую вещь, но не в силах воплотить идею в словах. И вот во время болезненного бреда герою снится, что он пишет поэму. В момент, когда разум покинул героя, в работу вступило подсознание, в котором хранились сокровенные мысли и «вышли» только теперь, в момент беспамятства. Очевидно, что факт болезни теряет негативную коннотацию, обретая новое символическое значение состояния прорыва в мир иде-

ального. Вместе с тем нельзя ставить знак тождества между понятиями «бессознательность» и «творчество», так как подсознание играет определенную роль лишь на отдельных этапах творческого процесса.

Как и в романе Ф. Достоевского, в «Докторе Живаго» ярко прослеживается мотив исцеления, типологически сближающий их и связанный, прежде всего, с фигурой главного героя, военного врача Юрия Живаго. В традициях русской литературы болезнь не воспринимается как явление исключительно телесное, а имеет сопряжение с областью духовного в человеке. В этом смысле Живаго – не только доктор, но еще и поэт, а потому в его силах лечить не только физические недуги, но и людские души творчеством, стихами: поэзия выступает своего рода лекарством для души. Конечно, человечество далеко ушло от тех времен, когда слово было способом врачевания, когда заговоры, заклинания, ритуальные песнопения были направлены на действенное исцеление от недугов. Но то, что слово обладает действительной силой, признается и сегодня (не случайно *врачевать* восходит к глаголу *врать*, первоначальный смысл которого *говорить*). И, возможно, сопряжение медицины с литературой трактуется автором как своего рода служение Богу: лечение тела, лечение души, а значит и символическое приближение к идеалу врачующего Христа. Образ Живаго-врача выглядит намного проще, намного ближе к обыденности: он не принимает на себя непосильную «ношу» Христа, «но будет приближаться к нему, как бы в меру человеческих сил врачую и тело, и душу ближнего» (А. Аникин).

Таким образом, присутствуя в обоих романах и типологически сближая их, мотивы болезни и исцеления получают парадоксальную трактовку. Болезненное состояние Мышкина – это, по мысли автора, не столько физический недуг героя, сколько характер отношения к нему окружающих. В произведении Б. Пастернака становится возможной трактовка состояния беспамятства как момента духовного прозрения, творческого вдохновения.

В параграфе 2.3. рассматриваются экзистенциальные мотивы в романах «Идиот» и «Доктор Живаго». Знаковой фигурой XIX столетия является Ф. Достоевский, чье творчество стало предтечей экзистенциального типа сознания. Наделенный творческим предчувствием Ф. Достоевский смог предвидеть эмоциональное звучание следующего столетия. Писательское восприятие человека перед лицом бездны, его оставленности среди хаоса, так отчетливо выраженное в произведениях, как в зеркале отразило мироощущение XX века.

Данный параграф посвящен освещению экзистенциальных идей Ф. Достоевского, отраженных в его художественном опыте, а также

выявлению характера воплощения этих идей в романе Б. Пастернака. Мы не стремимся отнести автора «Доктора Живаго» к писателям экзистенциального направления. Речь идет о творческом восприятии этой философии Б. Пастернаком, так как каждый художник, независимо от области творчества, фиксирует или кодирует в своих произведениях некие этические и эстетические воззрения, создавая тем самым комплекс идей, опирающихся на определенную философскую базу. Идеи философии экзистенциализма присутствуют в романах на уровне имплицитно или эксплицитно проступающих мотивов и становятся точкой их типологического схождения.

Типологически роднит произведения Ф. Достоевского и Б. Пастернака тема границы между понятиями *жизнь* и *смерть*: понятие «смерть» оказывается неразрывно связано с понятием «воскрешение». По Б. Пастернаку, человек не умирает, а переходит в иное пространство, воскресая в памяти живущих посредством деятельной любви к ним.

Экзистенция – существование от рождения до смерти, дающееся извне. Трансцендирование – акт прорыва за пределы экзистенции. В романе Б. Пастернака сила творчества становится способом прорыва экзистенции, выхода в метафизическое сверхпространство, где нет тления материи или, иными словами, достижимо бессмертие. Парадоксален финал «Доктора Живаго». Смерть героя, изначально имеющая отрицательный коннотат, обретает положительное значение, в том смысле, что означает перерождение, смерть здесь – символ новой жизни, воскрешения, которое невозможно без гибели. Бессмертие – не столько физическое, сколько метафизическое состояние, которое достижимо только через обретение духовности и веры. В эпилоге романа читатель становится свидетелем воскрешения Живаго в его стихах. И «будущее» в данном случае мыслится как нечто великое, как некое таинство, посвящение в которое возможно через «Юрьевы писания».

Мотив отчуждения и одиночества также является «достоинством» экзистенциальной философии. Человек противопоставлен окружающему миру, а потому беспредельно одинок. В случае с Мышкиным мир в лице Епанчиных, Иволгиных и др. не принимает героя в силу его «нестандартности». Князь одинок, он «всему чужой и выкидыш» (VI, 415), но в то же время он не свободен от окружающих, и в этом заключена трагичность ситуации. Категория несвободы получает актуализацию не только в факте сложных отношений Мышкина с другими людьми: фигура князя ассоциируется с Христом, образ которого тесно связан с категориями свободы и несвободы, последняя из которых от-

части подразумевает обязанность пройти путь страдания. В этом смысле и образ Живаго оказывается зависим от понятия *несвободы*:

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути (III, 511).

Человек, как правило, не осознает себя как экзистенцию. Существование, или экзистенция – это то, что невозможно выразить в понятиях, объяснить или описать, потому что человек не в состоянии взглянуть на себя со стороны. Существование не поддается рациональному постижению, и единственная возможность познать его заключается в том, чтобы его пережить. К. Ясперс полагает, что суть человеческого существования обнаруживается в «пограничной ситуации» – в ситуации «на грани», в состоянии ужаса или страдания, в положении между жизнью и смертью. В ходе анализа романов выявляется, что экзистенциальный мотив «пограничной ситуации» характерен для обоих произведений. В поэтике произведений Ф. Достоевского «пограничная ситуация» нередко является фабулообразующей, герои по воле автора оказываются «<...> на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершенного – и непреодолимого – поворота <...> души» (М. Бахтин). Пограничная ситуация для героев Ф. Достоевского является проверкой не их социальной или материальной состоятельности, но состоятельности духовной, и позволяет контрастно высветить психологические противоречия героев. В романе «Идиот» мотив пограничной ситуации улавливается в рассказе Мышкина о приготовлении к казни. А в эпизоде, когда Иволгин идет за деньгами к камину, отчетливо намечается другая экзистенциальная ситуация – «за шаг до поступка», помогающая раскрыть психологию героя.

Мотив пограничной ситуации прослеживается и в романе Б. Пастернака. Хотя здесь человек находится в иных условиях (герой поставлен не в ситуацию перед казнью, он – на войне), но, тем не менее, тоже смотрит смерти в лицо.

Эпизод похорон матери маленького Юры, в некотором смысле, также интерпретируется как пограничная ситуация: когда герой «взошел на могилу», то оказался на границе между жизнью и смертью. Пограничной ситуацией можно считать и болезнь Юрия Живаго. Среди повседневных дел человек не осознает себя как экзистенцию, он – производитель действия, и ему некогда задумываться о сущности своего бытия. Но болезненное состояние становится откровением, когда герой ощущает свою сопричастность природе, бренность своей экзистенции и чувствует радость от ощущения себя «вещью, замыслом, произведением» (III, 389).

Возможно, любовь Живаго к Ларе – тоже намек на пограничную ситуацию, точка отсчета в судьбе героев, после которой они уже не станут прежними. В любви Лара и Живаго оказываются противопоставленными окружающему миру, герои творят свою реальность. В романе воплощается экзистенциальная концепция любви. Прорыв в трансцендентное пространство возможен через творческое вдохновение и любовь. Именно через нее они способны подняться над «смертной бескрылостью» мира (III, 390).

Экзистенциальная трактовка сознания открывает возможность по-новому взглянуть на представленную в романах детскую тему. Согласно экзистенциальной философии, истинно только то, что в нас: индивидуальное сознание признается центром бытия. Люди, поддавшись конформизму, руководствуются надуманной общественной моралью, оказывающейся не всегда верной. Лишь дети, еще не утратившие память об истине, ближе всего к ней. В качестве иллюстрации вспомним историю о Мари и о том, как ее сначала не любили дети. Происходило это оттого, что им передалось негативное отношение к несчастной девушке взрослых, а стоило только князю поговорить с ними о ней, как с их глаз сошла пелена псевдоистины, обнажив природную детскую доброту. Та же идея сквозит в словах Лары о «не испорченном, детском» (III, 27).

Проблема тирании обретает философское звучание, преломляясь сквозь призму экзистенциализма в одну из ключевых формул, выраженную оппозицией «палач – жертва». Согласно последней, человек обречен находиться в определенных рамках, а свобода личности проявляется в моменты выбора. При этом свобода одного оборачивается ограничением свободы другого: один – палач, другой – жертва. Эта оппозиция неустойчива, так как в любой момент палач может стать жертвой, а жертва – палачом. Подобная ситуация обнаруживается в рассматриваемых романах: сначала «палачами» выступают Тоцкий и Комаровский по отношению к Настасье Филипповне и Ларе, но позже ситуация меняется в пользу героинь.

Присутствие в романах мотивов экзистенциальной философии мы объясняем проявлением кризисного мироощущения писателей. Однако мотивы этой философии художественно переосмыслены авторами. Если экзистенциализм в чистом виде окрашен лейтмотивом трагичности, то в романах, несмотря на драматические финалы, писателями оставлена надежда на духовно-нравственное возрождение человека, источником которой является христианство.

В *Заключении* подводятся итоги исследования. Романы «Идиот» и «Доктор Живаго» отражают исторические события разных эпох, ре-

презентуют различные способы художественного мышления. Несмотря на это, последовательное рассмотрение произведений позволяет обнаружить линии преемственности их систем. Анализ романов показывает, что их типологическое единство основано на том, что писатели, творчески соединяя эпическое и трагическое начала, отразили кризисное состояние общества и через нравственные поиски героев очертили контуры путей к духовному возрождению, пролегающие через веру.

Основные положения работы отражены в следующих **публикациях**:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Камельянова Ф.Ф. Вечные идеи и ценности в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (опыт сопоставительного изучения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 99: Ч.1. (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. – СПб., 2009. – С. 156-160 (0,4 п.л.)

2. Камельянова Ф.Ф. Преломление жанра жития в романах Ф. Достоевского «Идиот» и Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 3. – Майкоп, 2010. – С. 23-27 (0,4 п.л.)

В других изданиях:

3. Камельянова Ф.Ф. Отражение образа Христа в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции / Редкол.: В.А. Кузмищев, О.А. Мазур и др. В 9 томах. Т. IV: филол. науки. – Невинномысск: НИЭУП, 2009. – С. 149-150 (0,2 п.л.).

4. Камельянова Ф.Ф. Лейтмотивное звучание тем детства и сиротства в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы III Международной научно-практической конференции / Редкол.: В.А. Кузьмищев, О.А. Мазур, Т.А. Рябченко, А.А. Шатохин: в 6 томах. – Невинномысск: НИЭУП, 2010. Том II: Филологические и юридические науки. – С. 135-137 (0,1 п.л.).

5. Камельянова Ф.Ф. Художественная «модель идиота» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном пространстве». Выпуск 4. – Бирск: БирГСПА, 2007. – С. 104-107 (0,2 п.л.).

6. Камельянова Ф.Ф. Интерпретация мотива болезни в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Молодежь и наука: проблемы современной филологии и методики преподавания филологических дисциплин: Материалы III Международной научной заочной молодежной конференции. – Ульяновск: УлГПУ, 2010. – С. 224-226 (0,1 п.л.).

7. Камельянова Ф.Ф. Реализация экзистенциальных мотивов в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Intuitus mentis русских писателей-классиков: Материалы международной Интернет-конференции «Русская классическая литература в философских контекстах» / Под ред. В.М. Головки. – Ставрополь: Издательство Ставропольского гос. университета; Ставропольское книжное издательство «Мысль», 2010. – С. 84-86 (0,2 п.л.).

8. Камельянова Ф.Ф. Князь Мышкин: «Прекрасный человек» или идиот? // Художественный текст: варианты интерпретации [Текст]: Труды XIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Ч.1. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – С. 132-134 (0,2 п.л.).

9. Камельянова Ф.Ф. Символика в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы 3-й Всероссийской научн. Конф., Нижний Тагил, 8 апреля 2009 г. / Отв. ред. В.П. Конева; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2009. – С. 293-296 (0,2 п.л.).

10. Камельянова Ф.Ф. Дитя как эталон нравственности в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном пространстве». Выпуск 5. – Бирск: БирГСПА, 2009. – С. 163-166 (0,2 п.л.).

11. Камельянова Ф.Ф. Многогранность образа князя Мышкина // Наука в школе и вузе: Материалы научной конференции аспирантов и студентов. Часть II. / Под ред. Ш.Г. Зиятдинова. Бирск: БирГСПА, 2008. – Ч. II. – С. 241-243 (0,2 п.л.).

12. Камельянова Ф.Ф. Образы «героев-идиотов» в романе Ф. Достоевского «Идиот» и У. Фолкнера «Шум и ярость» // Язык и литература в условиях многоязычия: Материалы II Международной научно-практической конференции. Ч. II. Художественное произведение в контексте современного литературного процесса. – Нефтекамск: РИО БашГУ, 2008. – С. 75-78 (0,2 п.л.).

13. Камельянова Ф.Ф. Роль символов в раскрытии идейного содержания романа «Доктор Живаго» // Наука в школе и вузе: Материа-

лы научной конференции аспирантов и студентов. Часть II. / Под ред. Ш.Г. Зиятдинова. – Бирск: БирГСПА, 2009. – С. 118-120 (0,2 п.л.).

Камельянова Флида Фанавиевна

Романы Ф.М. Достоевского «Идиот» и
Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: типологическое
сходство художественных систем

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Сдано в печать 25.01.2011 г.
Гарнитура «Arial». Печать на ризографе с оригинал-макета
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1,28. Уч.-изд. л. 1,18.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ №

452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10
Бирская государственная социально-педагогическая академия.
Отдел множительной техники БирГСПА

